

Имя Анны Александровны Турусовой не так часто появляется в печати. Но ее очень теплые и человеческие рассказы в последние годы публиковались изредка в газетах и журналах, издавались в книге.

Неожиданный, как бы светящийся изнутри добротой взгляд на, казалось бы, обыденное в нашей жизни оставляет благодарный след в душе читателя.

В кастрюле булькало, над крышкой поднимался пар, и в комнате пахло мясным. Василий брезгливо помел хвостом по полу и запрыгнул на подоконник. Форточка была открыта, и он мог в любую минуту ударить от ненавистного запаха. Другой кот жался бы к печке в надежде выслужить кусочек мяса. Василию же хотелось рыбы, хоть какой-нибудь, хоть какой-нибудь, хоть колючего окунишка, хоть чебака с котеночий хвост. «Зачем жить у озера, если не можешь досыта есть рыбу?» — размышлял он, жалея не только себя, но и хозяина. — Мне что? Я кот. Куда хозяин, туда и я. Как живет хозяин у воды без рыбы — этого не понять, хоть за уши подвесь».

Хозяина звали Иван Саввич. Все говорили, что когда-то он был интеллигентом, а потом перестал им быть. Василий в этом сомневался. Как бы это он, например, был — котом да и перестал им быть? А вообще в жизни все случается. Василию только год, он пока мало знает. Иван Саввич подобрал его на берегу под лодкой в самом начале лета. Василий и мякнуть не успел, как очутился в кармане. Карман был глубокий и застегивался на две пуговицы. В нем скопились пыль и табак. Хотелось чихать и царапаться. Но Василий от страха только обмочил вышедший язык халат-спецовку. Он еще и Василием тогда не был. Василием он стал позже, когда Иван Саввич пришел домой, разделся и вытащил его из тьмы и табачной пыли на свет Божий.

— Ну что, брат Василий, давай жить вместе. Ты один, и я один, а вместе нас двое, — сказал он и налил ему кефира. — Молока бы тебе. Но ты уж прости, еда у меня не детская.

Пришлось Василию привыкать к стариковской еде. Хозяин никогда не называл его Васей — только Василием. Может, и впрямь он когда-то был интеллигентом?

В первые дни Василий оставался дома, запертым. Но что ему было делать в клетушке, где всего-то стоял стол, стул да койка, и не нашлось даже ящика с песком? Нет песка и ладно, его вполне устроили домашние шлепанцы. Но хозяина это почему-то возмутило. Он стал брать Василия с собой на работу. Работал Иван Саввич на лодочной станции дома отдыха. В дощатом строении цвета лягушки среди мышей, весел и паутины Василий проводил целые дни. Когда все лодки уходили с причала, Иван Сав-

вич подремывал на пятиногой раскладушке. Василий вскарабкался на него, заползал под самый подбородок и неумело мурлыкал.

На лодочной былолюдно и сытно. Брошенную рыбу Василий отыскивал под каждым прибрежным кустом. Он выбирал посвежее.

На закате все лодки возвращались и выстраивались бортом к борту. Иван Саввич неспешно обходил причал, Василий прыгал с кормы на корму. На дне лодок стояла вода, а в ней, брюхом кверху, покачивались мелкие, с котеночий хвост, чебаки и окунишки. Василий спускался на решетку и лапой подтягивал рыбешку. Иногда чебачок оживал и ускользал из-под когтей, бил хвостом да еще неожиданно окатывал Василия теплой застоявшейся водой. Рыбы было довольно, и Василий привык к ней смалу.

— Ешь, ешь, не все коту масленица, будет и великий пост, — предсказывал Иван Саввич. Что такое великий пост? Будет он только у Василия или у людей тоже? Этого хозяин не говорил.

Если изобилие рыбы — масленица, значит, великий пост — когда вкус рыбы совсем забывается. Наверно, великий пост уже наступил, — решил Василий, сидя на подоконнике. Он еще раз пошел усами. Пахло не то колбасой, не то пакетными пельменями, — вроде мясным, но не так, чтобы мясным.

Прыжок вверх, на раму, прыжок вниз. Назойливый запах остался за окном. Путь назад до вечера был отрезан. Домой Василий мог попасть только через дверь, вместе с хозяином. Он постоял под окном: куда пойти — налево или направо? Ноги понесли к берегу.

На пляже и причале лежал угрюмый снег. Под кустами темнели ноздреватые, опасные рыхлые сугробы. Тревожно пахло чем-то совершенно новым, приятным и непонятным. Откуда?

Василий пересек пляж. Но дальше по-прежнему увидел хмурое ледяное поле. Где кончается берег? где начинается озеро? — не разобравшись. Он обошел дощатое строение лягушачьего цвета. На двери висел замок, длинный, как собачий язык. За дверью томила тишина. Там, пожалуй, вольно жилось мышам. Но мыши тоже не рыба — по горло ими сыт. Василий еще раз обошел зеленое строение и по задней стенке — она была ниже трех остальных — взобрался на крышу. Крыша оказалась чистой, сухой и даже теплой. Он полежал, понежился. Потом сел на передний краешек и засмотрелся на озеро. Оно походило на эмалированную тарелку, с которой Василий пил кефир, но было огромное — ни за что не обойти кругом. Голые кусты по берегам торчали, как обглоданные рыбы кости, тоже огромные. На озере льдисто посверкивали несколько странных сугробов. Василий внимательно разглядывал их. Едва отводил глаза, как снова тянуло повернуться к ним. То казалось, что они на солнце просвечивают, то чудилось, что они шевелятся. Почему он не замечал их раньше? Напрашивалась разведка.

Василий спустился с крыши и побежал к берегу. Озеро дохнуло тишиной и холодным спокойствием. Стало жутковато. Захотелось вернуться и очутиться там, на прогретой солнцем крыше, и безмятежно смотреть в эмалированную даль. Василий осторожно ступил на лед. Наощупь поверхность озера оказалась не такой уж и гладкой, а ребристой и кочковатой. Василий шел, глядя себе под ноги. Порой ноги проскальзывали по ледовине. Он останавливался: не повернуть ли назад, пока не поздно? Но уже совсем близко приманчиво поблескивали странные крутобокие сугробы.

Ветер дул в хвост, не теплый, и не холодный, а скорее влажный, нетерпеливый. Он нес ожидание чего-то прекрасного и неизведанного. Это прекрасное никак не было связано со сверкающими сугробами. В них, напротив, таилась пугающая неизвестность.

Вдруг один из сугробов сухо зашуршал и закашлял. Василий в ужасе прижался ко льду. Стало страшно и интересно. Не терпелось поднять голову, но он подождал, не кашляет ли сугроб снова. Нет, тихо. Спина сама собой разогнулась. Василий присел.

Сугробов было четыре. Они все просвечивали, и в каждом из них сидел человек. Такое Василий видел впервые. Но страх растаял — людей он не боялся. Самое же замечательное — пахло рыбой. Так пахло, что у него запылали ноздри. Василий подбежал к сугробу, понюхал, потрогал лапой. Под плотным полиэтиленовым шатром прятался от ветра рыбак. Он замер над лункой, а рядом лежало несколько рыбешек с котеночий хвост. Именно о таких мечтал Василий и сегодня с утра, и вчера, и позавчера, и каждый день с тех пор, как закончился лодочный сезон. Он кружил у шатра, пытаясь подобраться к рыбе, но длинный палец в черной перчатке сурово погрозил ему через пленку. Василий пронзительно мякнул: «Ну что тебе стоить? Ну один хвостик, хоть махонький! Все равно ведь выбросишь, поленишься чистить. А я и нечищеную съем».

А запах дразнил, и не было сил отказаться от затаи. Василий перебежал ко второму шатру. Но там сидел невезучий. Под третьим шатром тоже грустил неудачник.

Повезло у дальнего шатра. Улов был невест какой — два чебака. Зато надорванный и загнутый край пленки позволил просунуть лагу. Она без труда вытянула серебристый хвостик. Василий сладко захрустел. Он забыл обо всем на свете. Тело дрожало от радости, голода и желания поскорее справиться с добычей. Вот обнаружит мужик пропажу, выйдет и отскочит за хвост. Но никто не вышел и даже не погрозил пальцем. Василий спокойно достал вторую рыбешку. Рыбак едва пошевелился. Он сидел на ящике, обхватив голову руками и упершись локтями в колени. Приподнятый воротник закрывал лицо. Поэтому он и не заметил воршику.

Аппетит приходит во время еды. Очень, очень хотелось Василию третьей рыбки. Хотя на суды-

бу он уже не обижался. Теперь-то он доживет, дотянет до лета, когда на дне каждой лодки найдется ужин, брошенный разборчивыми рыбаками.

Вдруг шатер ожил. Рыболов зябко повел плечом. Рука повисла над лункой, и Василий через мутную изношенную пленку увидел рыбку. Она билась в воздухе. Живая — среди льда и холода! Василий приподнял правую лапу, будто мог со своего места дотронуться до мокрого и скользкого хвостика. Сейчас, сейчас... Вот сейчас снимут ее с крючка и бросят на лед. И тогда...

Человек снял рыбу с крючка, наклонился и озадаченно завертел головой. Переставил ноги, заглянул под ящик. Поднялся. Пленочное укрытие колоколом повисло на нем. На Василия знакомое пахнуло табаком. Из-под колокола выбрался Иван Саввич.

— Ты что тут делаешь, мошенник? Кто тебя звал? На кого дом оставил?

От хозяйского голоса Василий осмелел. Он не винулся, не терся об валенки — он жадно следил за окуневым хвостиком, зажатым в ладони Ивана Саввича. Ему снова казалось, что не доживет, не дотянет до лета, если не вымолит, не вымучит этот живой хвостик.

— Что же ты творишь, брат Василий? — выговаривал ему Иван Саввич. — Что же ты меня пугаешь? Я ведь решил, что из памяти выжил: была рыбка и вдруг пропала! Разве это по-братски? Я-то тебе сюрприз готовил. А взамен сам получил. Ну и ну! Не наелся? Нет, брат, этого оставим на ужин. Твое от тебя не уйдет. Для тебя ловил. Для кого же еще? Мне больше некого кормить. Как? Будем дальше рыбачить? Домой бы пора, мясо там на плите. Как бы пожар не наделать. Давай, посидим еще чуток, хоть и не люблю я это дело — живность губить. Полезаю ко мне. Вот так. Мы же с тобой, как рыба с водой.

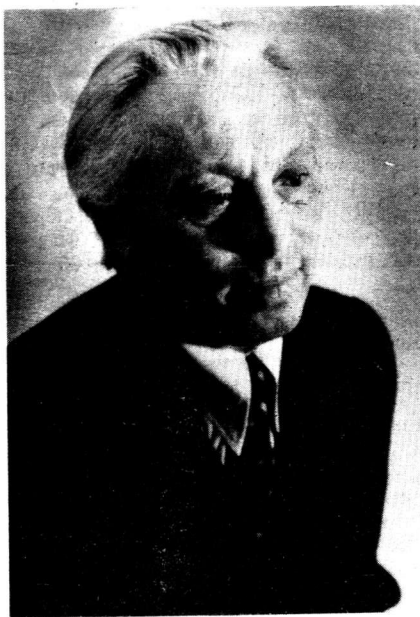
Василий лежал на коленях у Ивана Саввича под мохнатойолой. Мутный колпак-шатер надменно укрывал от ветра. То ли потому, что рядом был хозяин, то ли пошарпанная пленка сужала мир, но озеро уже не казалось опаснонеобозримым и холодным. Он свернулся калачиком и почувствовал себя маленьким, как в начале прошлого лета, в пыльном кармане. Сейчас он в кармане не поместился бы, но чувствовать себя маленьким нравилось. Иван Саввич продолжал выговаривать, Василий соглашательски мурлыкал.

Так они и сидели вдвоем посреди безмолвного ледяного поля.

«Хорошо, когда есть кому заботиться, — благодарно думал Василий. — А как вилял хвостом окулень в руке Ивана Саввича! Всегда бы, такничегошеньки больше не надо! И мне, и Саввичу. Вон как тепло от моего животикленям. Замер и не пошевелился».

Так думал Василий. Возможно, он ошибался...

Служение музам

Имя Зсольда Карловича Риб многие знают на Магнитке. Помимо того, что на протяжении многих лет он преподавал в музыкальной школе для самых маленьких (класс скрипки), он много лет занимается литературным творчеством. Его стихи и рассказы периодически появлялись в печати, в коллективных сборниках, им создано на свои стихи немало песен. И вот одна за другой вышли две книжки — «Подснежник» и «Капли весны». И если в первой книжке он выступил в качестве составителя и автора, то вторая книжка вся состоит из его рассказов для самых маленьких.

Следует особенно отметить тот факт, что в наше нелегкое время обе книжки изданы за свой счет. А это уже настоящее подвижничество.

Сейчас Зсольд Карлович закончил работу над рукописью новой книги. Она состоит из трех разделов: «Разбуженная скрипка», «Педагогические этюды» и «Творцы моей судьбы» — о многих замечательных людях Магнитки. Но для издания этой книги нужен спонсор, и Риб надеется, что кто-нибудь поможет издать эту сравнительно небольшую книгу, которая кропотливо создавалась на протяжении многих лет.

Сегодня автор работает над созданием методики литературного воспитания. Такой еще история не знает. Как считает Зсольд Карлович, ребенок талантлив изначально, и если вовремя заняться его литературным образованием, то он наверняка будет огражден от лукавых условностей нашей жизни и может достигнуть в литературе определенных вершин.

Остается только пожелать этому беспокойному, поражающему энергией и оптимизмом человеку новых творческих удач, светлых поисков и новых книг.

Зсольд РИБ

О ЯЗЫКАХ

Немецкий — был родным.
А русский — иностранным...
Язык, что был чужим
И долго нежеланным,
Сегодня стал родным.

ПОДСНЕЖНИК

Не раз в пустыне суховой
Высушивал до трещин губы.
Когда с бригадой парней
Мы на Урал тянули трубы.
В горах мороз трещал сосной,
Хлестал бурян, и сон не нежил.
Но мы зажгли навечно свой
Горячий газовый подснежник.

ТОПОЛЬ

Я помню: сорок первый год...
Учиться бы, а школу бросил!
И молча у своих ворот
Я тополь посадил в ту осень.
Надолго прерван был урок,
Надолго к нам пришли невзгоды,
Последний школьный наш звонок
Звонил в ухах четыре года.
Но все же мы с тобой росли
И крепили в грозных рассветах,
Хотя нас тоже боль земли
Из детства вышвырнула где-то...
Ты помнишь, помнишь, у реки,
Где вся в слезах смеялась хромка,
Кричали бабы от тоски,
Оплакивая похоронки.
Ты все запомнил, тополь мой:
И слезы горя, и улыбки,
И как мальчишка фронтовой
Играл победную на скрипке.

Капли весны

Дедушка Степан, Лена и ее подружка Таня сидели во дворе дома. Девочки лечили своих кукол, давали им таблетки и делали уколы. Молодой карагач держал в небе костлявую ветку, на которой качались скворцы, а Сережа Зарубин прямо с порога стрелял в эту ветку.

— Сережка! — заворчал дедушка. — Ты что же, голубчик, скворцам житья не даешь? Пора-нишь скворца, как же он тогда себя и скворчат кормить будет?

Сережа опустил голову, бросил рогатку и юркнул в подъезд.

Дедушка Степан подошел к дереву и пальцем поманил девочек. На крыльях, между веток висел скворец и широко раскрытым клювом ловил капли, что падали с крыш. Дедушка шепнул:

— Он принимает капли весны. Это ему, наверное, птичий врач прописал.

— А чем он заболел? — спросила Таня. Скворец вдруг шлепнулся прямо в лужу.

Лена подняла его и ахнула:

— Ой! У него ножка сломана!
— Что с ним будет? — вздохнула подружка.
— Попробуем поправить ножку, — деловито засуетился дедушка.
— А как? — поинтересовались девочки.
— Сейчас увидите... Ну-ка, Леночка, вот так поддержи его... Хорошо... Потерпи, потерпи, малыш.

Дедушка осторожно выровнял птичью ножку, укрепил место перелома тремя спичками и аккуратно заматал узким бинтом.

— Заживет? — спросила Лена.

— Обязательно... Только за ним нужен уход.

Раненый скворец сидел в клетке, которую сделал Ленкин отец, и не открывал глаз. Он всех боялся, не хотел смотреть на людей, на хлеб, на воду. Одно было: живой комочек дышал, хотя уже сутки совсем ничего не пил и не ел. А Лена стояла перед скворцом и вытирала слезы:

— Поешь, ну, поешь...

Вечером Сережа пришел к Бушуевым и спросил:

— Скворец живой?

— Живой, — ответила подружка, — но он, наверное, умрет от голода.

— Не умрет. Я ему червей принес.

Дети вынесли клетку на балкон, положили скворцу червей и зашли в комнату, наблюдая за ним из окна. Через некоторое время скворец открыл глаза и проглотил червяка. Все запылали:

— Будет жить! Будет петь!

